

Серая Маркович Шапшал (1873–1961). Опыт биографического очерка

Виктор Дзевановский-Петрашевский
(Zurych)

Seraya Shapshal (1873–1961). An outline of his biography

Summary: In this article the author provides a detailed biographical sketch of Seraya Shapshal (1873–1961), a well-known Karaite personality, scholar and public figure living in the first half of the 20th century. The author gathered all the existing published materials connected with the life and work of this eminent scholar, and based his description on various sources of knowledge: belletristic, archival and autobiographical. The article thus introduces into scholarly circulation for the first time the widest possible range of archival materials.

Keywords: Karaites, the history of oriental studies in Russia, the biography of hakham Seraya Shapshal, new archival materials, teacher of Persian shah, last Russian Emperor, Russian emigration

Посвящается 200-летию ИВ РАН

Серая¹ Маркович Шапшал родился 8 мая 1873 г.² в семье крупного землевладельца [Фуки 1995, с. 130]³, потомственного почетного гражданина

---

¹ Во многих источниках, где упоминается Шапшал, его имя пишется по-разному: Серай, Серая, Серайя, Сюрый-бей, Сергей. После 1899 г. в официальных документах он обычно писался как Сергей Маркович.

² Все даты в тексте написаны по старому стилю.

³ Списки и краткие биографические сведения о лицах, окончивших Факультет восточных языков Петербургского университета в 1879–1905 гг.,

Мортхая Мошевича Шапшала (27. 06. 1815–1894)⁴ и его второй жены Акбике Казас (1831–1874), живших в селе Ойсунко близ Бахчисарая. В семье Серая был последним, двенадцатым, ребёнком. Через девять месяцев после рождения, мать его умерла от родовой горячки, мальчик воспитывался старшими братьями и сестрами [Шапшал 2010, с. 20].

С. М. Шапшал обучался сначала в приходской школе при кенасе⁵ в Бахчисарае, а затем в Симферополе у известного ученого и религиозного деятеля С. Ш. Пигита (1849–1911). Когда отец узнал от учителей о незаурядных способностях сына, он решил отправить его учиться в Санкт-Петербург, сочтя необходимым, чтобы тот изучил государственный — русский — язык и в дальнейшем смог получить достойное образование. Для этого он получил свидетельство от Севастопольской Городской Управы (1881), в котором было написано, что Серая Шапшал имеет право проживать бессрочно во всех городах Российской Империи⁶, и в 1884 г., снабдив самым необходимым, отправил мальчика в Петербург в сопровождении старшего его брата Моше, который уже к тому времени жил и работал в столице.

Приехав в Петербург, Серая Шапшал поступил в Охтинскую ремесленную школу. Находясь среди русских детей, он быстро научился говорить по-русски и пристрастился к чтению книг, проявив, как он потом сам говорил, способность к дальнейшему обучению.⁷ Закончив ремесленную школу в 1886 г., С. М. Шапшал поступил в элитную част-

---

собранные Н. И. Веселовским. РГАЛИ. Ф. 118. Оп. 1. Ед. хр. 630. Л. 91.

⁴ Сын Таврического купца первой гильдии (1857) Моше Мортхаевича Шапшала (ум. в 1868) и его жены (первый брак) Алтын. Вторым браком был женат на Берухе Шелемовне. Мортхай Мошевич также имел два брака: первым браком был женат на Эстер, вторым — Акбике. Потомственное почетное гражданство семья Шапшалов получила в апреле 1872 г. См.: РГИА. Ф. 1343. Оп. 39. Ед. хр. 5441.

⁵ В начале XX века на территории России существовали 20 кенас, 40 общин, 13 учебных заведений.

⁶ Дело студента С. М. Шапшала. ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Ед. хр. 30944. К сожалению нет возможности указать нумерацию листов, так как материалы данной единицы хранения до сих пор не упорядочены, не описаны, и доступ мне был предоставлен в виде исключения, за что выражаю глубокую благодарность зав. читальным залом архива М. М. Перекалиной.

⁷ Автобиография профессора С. М. Шапшала. ИВР РАН АВ. Ф. 152. Оп. 1. Ед. хр. 1563. Л. 39.

ную гимназию Я. Г. Гуревича (1843–1906).⁸ Плату за его обучение (250 р. в год) взял на себя старший брат. Последние два года по разрешению Министерства народного просвещения (МНП) плата за обучение была снижена ввиду финансовых затруднений в семье брата. Во время каникул Серая Шапшал ездил домой, где изучал караимское богословие (по завершению ее в 1894 г. получил степень кандидата на караимскую духовную должность) (Фото. 1).

В 1894 г., получив аттестат зрелости, С. М. Шапшал поступил в Санкт-Петербургский университет на Факультет восточных языков (ФВЯ) по арабско-персидско-турецко-татарскому разряду (АПТТ), где слушал лекции у В. Д. Смирнова (1846–1922), В. А. Жуковского (1858–1918), В. В. Бартольда (1869–1930), Н. И. Веселовского (1848–1918), В. Р. Розена (1849–1908) и др. Учился он прилежно, проявив большие способности к языку и истории. Вследствие чего был три раза (1896–1898) командирован на каникулярное время в Турцию для практики и усовершенствования в турецком языке.

Любознательность у молодого Шапшала проявлялась не только в учебных делах, но и в исследовании мира его окружающего. Так, например, в октябре–ноябре 1899 г. по распоряжению дворцового коменданта, при ходатайстве ректора Санкт-Петербургского университета, студенту пятого курса Сергею Шапшалу был выдан пропуск для посещения и осмотра жилых покоев Зимнего Дворца и экспозиции музея Императорского Эрмитажа в учебно-образовательных целях.

Если первые два года за обучение С. М. Шапшала в Университете платил старший брат, то с 1897 по 1899 гг. он был освобожден от платы за лекции по распоряжению Министра народного просвещения. Причем сначала ему было отказано, ввиду того, что он — лицо не христианского вероисповедания. Тогда Серая Шапшал добился личного приема у министра И. Д. Делянова (1818–1897), которому заявил, что эти ограничения его не касаются, так как во всех высших учебных заведениях студенты «караимского вероисповедания» издавна получали стипендии из сумм государственного казначейства наравне с лицами христианского вероисповедания в силу «Высочайшего закона», гласящего: «Караимы,

---

⁸ Гуревич Яков Григорьевич (1843–1906). Известный педагог и общественный деятель. В 1883 г. стал директором частной гимназии Ф. Ф. Бычкова, которого уволили с должности из-за скандального судебного дела по «расплению несовершеннолетних мальчиков».

находясь под покровительством общих законов Империи, имеют право пользоваться всеми правами, предоставленными коренным русским подданным».⁹ Эта история яркий показатель наличия прирожденных качеств лидера и дипломата, которые в будущем сыграют серьезную роль в его жизни.

Помимо жизненно-важных ситуаций, где надо было отстаивать честь и достоинство караимского народа, с С. М. Шапшалам происходили и комические случаи. Одна из таких историй, например, произошла на военных сборах: по окончании Университета в 1899 г. Серая Маркович принимал воинскую присягу. Торжественно построили полк и стали вызывать по очереди всех присягающих в соответствии с их вероисповеданием («лица православного вероисповедания», «лица лютеранского вероисповедания» и т. д.) и отводить к соответствующему священнослужителю. В строю остался один Серая Шапшал. «— А Вы кто, язычник?» — спросили его. «Нет. Я — караим». Поскольку караимского священника не оказалось, Шапшал присягал, прикладываясь к полковому знамени [Кальфа 2010, с. 29]. Отбывал воинскую повинность в 212 Бахчисарайском резервном Батальоне в 1899–1900 гг., по окончании получил чин младшего унтер-офицера. Необходимо здесь отметить одну немаловажную деталь биографии: после присяги Шапшал сменил свое караимское имя Серая на русское — Сергей.

Ко времени возвращения Шапшала из армии, осенью 1900 г. решилась его дальнейшая судьба: на совете Факультета общим числом голосов было решено: окончившего курс с дипломом первой степени, оставить С. М. Шапшала при Университете для дальнейшего усовершенствования в османском и тюркском языках на один год без стипендии. Кстати, за время обучения в Университете особенно близкими ему стали профессора В. А. Жуковский и В. Д. Смирнов. Так, последний, например, был руководителем его первой научной работы, которая вышла в свет в 1896 г. (36 стр.), посвященная крепости Чуфут-Кале (также встречается и другое название этой местности Джуфт-Кале) и крымским караимам. За эту работу Шапшал взялся по инициативе и

---

⁹ Личное дело студента С. М. Шапшала. ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Ед. хр. 30944.

с благословения С. М. Пампулова (1831–1911), тогдашнего гахама [Кизилов 2002, с. 255–273].¹⁰

Той же осенью усиленно готовились к приезду в Санкт-Петербург персидского Шаха Музаффар эд-Дина (1853–1907); его визит был неофициальным.¹¹ Пробыв всего несколько дней, Шах настолько впечатлился русской культурой, что запросил через своего ближайшего родственника, персидского посланника принца Мирзу-Риза-Хана Арфа-уд-Далулэ (1846–1939), найти учителя для Валиахда — наследного принца Мохаммеда-Али (1872–1925), с условием, что претендент должен хорошо знать русский, персидский, и французский языки (до этого все учителя наследных принцев по традиции были французами). Персидский посланник обратился к декану ФВЯ с вопросом: не рекомендует ли он кого-нибудь надежного из недавно окончивших студентов и сейчас же готовых отправиться в Персию. Временно исполняющий обязанности декана В. А. Жуковский посоветовал молодого караима. Таким образом, дальнейшая судьба Сергея Марковича была результатом простого случая: только что вернувшийся из армии, оставленный при Университете, но без стипендии, предприимчивый караим мог усовершенствовать свои познания в языке и культуре Востока и поправить свое благосостояние, так как за учительство наследному принцу сулили немалые деньги. Конечно же, Шапшал дал свое полное согласие на поездку, хотя он хорошо понимал ту ответственность, которую на себя берет.

Прежде чем отправится на Восток, ему надо было получить необходимые рекомендации из Университета и пройти собеседование, получить инструкции в Министерстве иностранных дел (МИД). В декабре 1900 г. рекомендация, подписанная В. А. Жуковским [Шапшал 1960, с. 131], была получена. С. М. Шапшал был представлен персидскому посланнику, который провел собеседование и выдал необходимые инструкции. Теперь было ясно: поездка получалась с двойной задачей: помимо того, что он направлялся от Университета в Персию изучать язык азербайджанских турок, Шапшал должен был преподавать Валиахду

---

¹⁰ Гахам, по некоторым источникам — хахам или хакам, — духовный глава караимов. Слово гахам, по мнению М. Б. Кизилова, было придумано Шапшалом. В тексте, после 1918 года, слово гахам пишется в том написании, которое тогда использовалось, то есть «гахан».

¹¹ См.: РГИА. Ф. 472. Оп. 44 (428/2201). Ед. хр. 91.

русский язык и общеобразовательные предметы¹². Для возможного осуществления второй части вышеуказанной Миссии, его зачислили в служащие МИД, чтобы при необходимости он мог беспрепятственно и быстро получать корреспонденцию из Петербурга, так как его ученик — будущий Шах огромной империи, в то время уже имеющей известную силу и влияние в мировой геополитике.

Полностью готовый к поездке, в начале 1901 г. Сергей Маркович отправился в Тавриз, где и обосновался. Благодаря В. И. Некрасову (1873–1923), старшему товарищу В. А. Жуковского по ФВЯ, в то время работавший в Тавризе драгоманом (переводчиком) Российской миссии, Шапшал довольно быстро освоился на новом для него месте.

Смелый, эрудированный, доброжелательный и тактичный С. М. Шапшал, обладавший к тому же завидным терпением, сумел заинтересовать своего ученика и расположить его к себе. Постепенно не только русский язык стал предметом их бесед и занятий, но и европейские языки, география, история, начальная математика, а также политика, экономика, культура и обычаи России [Петров-Дубинский 2008, с. 3]. Вызвавший большую симпатию и привязанность к себе наследного принца, Сергей Маркович не на шутку развернул бурную деятельность. Из самых известных дошедших до нас случаев: он добился реставрации почитаемой старинной мечети в Тегеране, за что получил в подарок миниатюрный рукописный Коран (1713 г.) принадлежавший ранее Надир-шаху (в 1947 г. Коран был продан владельцем в Институт Востоковедения Академии наук (ИВАН) за 3000 р.) [Халидов 1986, с. 45, 57].

Кстати следует сказать, что в личном фонде С. М. Шапшала, который находится в рукописном отделе библиотеки Литовской АН (фонд 143), сохранились тетради с уроками наследного принца по русскому языку, другие документы и фотографии. Так, например, сохранились листы из учебной тетради Мохаммед-Али-Мирзы со следующими записями: «Тавриз. 8 мая 1902 г. У меня был вчера утром русский консул Похитонов. Как его имя? — Его имя Иван. Как имя его сына? — Степан», или «Какую газету читаете Вы? Я читаю журнал Нива»¹³ (Фото. 2).

---

¹² *К моей биографии*. Личный фонд С. М. Шапшала в Отделе Рукописей Библиотеки им. Врублевских. Вильнюс, Литва. LMAVB RS. Ф. 143. Ед. хр. 37. Л. 4.

¹³ Учебные тетради Мохаммед Али-Мирзы. LMAVB RS. Ф. 143. Ед. хр. 930. Л. 5, 10.

Осенью 1903 г. Мохаммед-Али сделал неслыханное по тем временам предложение ференги, то есть иностранцу: остаться у него на должность личного драгомана и секретаря, но Шапшал на первых порах отказался, так как время командировки его закончилось и он не хотел оставаться более в Персии, да и это уже вызывало большое неудовольствие у персидских сановников, которые с опаской поглядывали на слишком деятельного караима, под чье влияние подпал Валиахд, и лишь после долгих колебаний дал согласие, в основном, по настоятельному совету того самого русского консула И. Ф. Похитонова (1853–1913) — теперь уже нового генерального консула в Тавризе (Фото. 3).

После данного согласия, за труды по воспитанию наследника персидского престола Шапшал был возведен Шахом в пожизненное ханское звание, получил титул «наставник царя».

Скрытный и недоверчивый, человек крутого нрава, Мохаммед-Али-Мирза¹⁴ скоро настолько приблизил¹⁵ к себе ференги, что стал поручать ему, к уже открытому неудовольствию придворных, не только свои личные дела, но и ответственные государственные задания.

---

¹⁴ Из его биографии, которая хранится в личном фонде, можно заключить, что Валиахд «всё детство и отрочество находился под влиянием августейшего отца и строгим контролем Эмир-Низама, оказывавшего давление даже на самого Музаффар-эд-Дин-шаха». Будучи взрослым, он «обладал твердым и настойчивым характером, не был склонен поддаваться посторонним влияниям. При этом он был справедлив, и строго карал ослушников своей воли, не задумываясь прибегать даже к смертной казни, в случаях явного преступления, хотя по природе был добр, мягкосердечен, общителен и вполне доступен для каждого. Отличительной его чертой характера была любознательность, заставляющая, вопреки природной застенчивости, часто и подолгу беседовать с иностранцами о разных вопросах европейской жизни». LMAVB RS. Ф. 143. Ед. хр. 929а. Л. 4-4 (об).

¹⁵ По словам К. Н. Смирнова, который появился в Тегеране 6 июня 1907 г., с Шапшалом весьма считались, и его положение при шахском дворе было твердым. Он позволял себе такие вольности, какие не смели бы себе позволить даже самые влиятельные сановники. Так например, в 1907 г., после неудачного покушения на жизнь Мохаммад Али-шаха в Тегеране, когда Шапшал и Амир Бахадор-Джанг проводили его до покоев эндеруна, разгневанный явным бессилием своей стражи, Шах ударил военного министра, а «услужливый генерал-адъютант Шапшал дал несколько раз министру по шее». Шапшал брал на себя смелость делать замечания даже самому Мохаммад Али-шаху.

Так, когда в 1903 г. русские специалисты под руководством инженера А. С. Дедулова (?–?) начали прокладывать шоссе Тавриз-Джульфа, по которому планировалось провести впоследствии железную дорогу, Валиахд назначил именно Шапшала на должность председателя оценочной комиссии для приобретения нужных под шоссе земель [Чиркин 2006, с. 18–38]. За плодотворную деятельность и ревностное служение Отечеству 21 сентября 1905 г. Император Николай II «всемилостивейше» наградил С. М. Шапшала орденом Св. Станислава II степени.

К сожалению, на сегодняшний день неизвестно, чем занимался Сергей Маркович следующие два года, в русскоязычных и западноевропейских источниках нигде детально это не отражено, а персидские источники и по сей день ждут своего исследователя, так как ни один из биографов Шапшала не обращался к архивам, находящимся в современном Иране. Зато известно, что, ближе к концу 1906 г. Сергей Маркович перебрался вслед за своим воспитанником в Тегеран, а после смерти старого Шаха, последовавшей 8 января 1907 г., Мохаммед-Али вззошел на престол, став предпоследним из Шахов династии Каджаров.

Известно, что месяц спустя, 8 февраля 1908 г., во время загородной прогулки, при очередном покушении на жизнь Мохаммеда-Али (ему бросили под ноги 2 бомбы), С. М. Шапшал, сопровождавший его везде и всегда, проявил невероятную смелость и мужество, рискуя собственной жизнью, ради спасения Шаха. Это дало повод директору Первого Департамента МИД (ПД МИД) Н. Г. Гартвигу (1857–1914) ходатайствовать перед Российским Императором о награждении его орденом Св. Анны II степени, с персидской же стороны ему была пожалована высшая награда — портрет Шаха, украшенный бриллиантами, который полагалось носить на шее и был произведен в звание «Генерал-Адъютанта», также было поручено ему заведование церемониальной частью при Дворе. Заняв столь высокую должность, и являясь одним из самых близких к Шаху людей, С. М. Шапшал нажил еще больше завистников и потенциальных врагов среди персидской знати. А через полгода, в начале июля 1908 г. готовилось очередное покушение на Шаха. Как писал специальный корреспондент газеты «Русское слово» (от 4 июля), в Тегеране был «открыт заговор против жизни Шаха, полковника [В. П.] Ляхова [1869–1920] и Шапшала. Их должны были убить бомбами, изготовленными не в Персии. Доставка бомб поручалась пяти революционерам, которые должны были пробраться через границу у Астары в женских платьях».

Не желая более быть мишенью, и вследствие разыгравшихся политических интриг при дворе Шаха — борьбы за власть и межнациональных и религиозных противостояний, чувствуя свою абсолютную беспомощность и невозможность больше повлиять на события, 20 июля 1908 г. Сергей Маркович покинул Персию, отправившись в Россию. Шапшал пробыл в Персии 7 лет и 7,5 месяцев¹⁶, что ему было зачтено впоследствии в государственную службу.

Из-за беспорядков, меджлис (парламент) не раз требовал его увольнения, да и он не раз уже пытался уйти, так как не желал быть втянутым слишком глубоко в интриги Двора и политику страны.¹⁷ Следует заметить, что из работ М. Б. Кизилова и некоторых других исследователей и биографов Шапшала можно сделать следующее заключение: как будто бы положение Шапшала при шахском дворе приравнивалось в определенной степени к роли Г. Е. Распутина (1869–1916) при русском Дворе. Подобно тому как «великий старец» держал под своим влиянием Николая II и его семью, так и Шапшал умел направить Мохаммед-Алишаха по своему «сценарию».

Существуют и другие мнения насчет деятельности Шапшала в Персии, живших в то время и хорошо знавших его. Так, служащий Учетно-Ссудного Банка Персии А. Ф. Хашаб (1874–1948), который часто ездил в Тегеран по делам Банка, в своем письме от 28 апреля 1909 г., к университетскому другу тюркологу А. Н. Самойловичу (1880–1938), опровергал слухи о дурных деяниях Сергея Марковича: «Вы спрашиваете относительно Шапшала. Несомненно про него много насочиняли его политические враги, на самом же деле здесь, на месте, все отзываются

---

¹⁶ В его послужном списке написано, что ему зачислили 8, 5 лет в государственной службе. Дело студента С. М. Шапшала. ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Ед. хр. 10287. Л. 32.

¹⁷ Так, некоторые исследователи считают, что С. М. Шапшал действительно влиял на политику дурно, притом действовал всегда через женщин, к их числу относят жену Посланника Александру Павловну Гартвиг (урожд. Карцова; 1863–1944), в первом браке бывшую женой Сергея Ивановича Фонвизина (1860–1935). После смерти своего второго мужа, она эмигрировала в Цирквенике (Загреб), работала в Обществе Красного Креста. Жила с сыном Георгием Сергеевичем Фонвизиним (Georges de Wiesin, 1883–1975), много лет работавшим секретарём, затем управляющим Бельгийского посольства, позднее переехавшим со второй своей женой в Париж.

о нем хорошо, ничего худого я не слышал; полагаю, что все это одни сплетни».¹⁸

Примерно такого же мнения был и В. П. Никитин (1885–1960) — коллега по МИД, в будущем известный дипломат и иранист, который в своих воспоминаниях писал: «Мне кажется, что Шапшал оказался просто козлом отпущения, и вряд ли следует ему приписывать ответственность за поступки Шаха, инспирируемые русскими реакционными группами».¹⁹ А вот В. Ф. Минорский (1877–1966), из той же когорты дипломатов, в будущем видный иранист, критически оценивал «культурное влияние» на Валиахда его воспитателем [Лавриненко 1980, с. 153].

На первый взгляд вполне можно было бы довериться такой оценке Минорского, называвшего Шапшала «авантюристом»²⁰, а также «карьеристом, [и] мошенником». Однако следует напомнить, что такая нелюбовь связана с целым рядом обстоятельств: В. Ф. Минорский в то время был еще молод, он только начинал свой путь дипломата, был полон амбиций, и очевидно ревниво относился к С. М. Шапшалу из-за головокружительной карьеры последнего, и к тому же находился под влиянием полковника К. Н. Смирнова (1878–1938)²¹ [Басханов 2005,

---

¹⁸ Письмо А. Ф. Хашаба А. Н. Самойловичу. РНБ ОР. Ф. 671. Ед. хр. 298. Л. 7–8.

¹⁹ Отрывок из неопубликованных воспоминаний В. П. Никитина «Арабески». ИВР РАН АВ. Ф. 127. Оп. 1. Ед. хр. 21 (а). Л. 31.

²⁰ См.: письмо В. Ф. Минорского К. Н. Смирнову от 1909 г., где он пишет о С. М. Шапшале следующее: «Он <...> авантюрист <...> влезет туда, где неприложимы его нахальные замашки. Человек 7 лет продавал русские интересы, шпионничал на нас Шаху, мошенничал с Подгурским, компрометировал нас при Дворе, вел безответственную политику и за это все создал себе карьеру и репутацию». Архив Института Рукописей АН Грузии им. К. С. Кекелидзе. Ф. 39. Ед. хр. 13. Л. 72 (об); см. также заметку в «Петербургском Агенте» от 13 июля 1908 г., в которой говорится: «Сегодня 2 июля, стало известно, что Его Величество Шах Персии окончательно решил расстаться со своим ближайшим советником, другом и воспитателем <...> которого меджлис и энджументы давно требовали выгнать из Персии как человека, имеющего дурное влияние на Шаха <...> и во многом Шапшал напоминает пресловутого абиссинского авантюриста Леонтьева, носившего громкий титул генерал-губернатора каких-то эквадорских провинций».

²¹ В письме от 31 июля 1912 г. К. Н. Смирнов писал В. Ф. Минорскому о его служебном положении: «Через 11 лет Вы как раз будете в расцвете славы и будете ворочать судьбами людей». ИВР РАН АВ. Ф. 134. Оп. 3. Ед. хр. 797. Л. 1 (об).

с. 216], который был с 1907 по 1914 г. в непосредственном подчинении Чрезвычайного Посланника Российской миссии в Тегеране (до 1909 г. — Н. Г. Гартвиг, а с 1909 г. — С. А. Поклевский-Козелл (1868–1939)) [Генис 2003, с. 274] и при шахском Дворе исполнял обязанности воспитателя наследника персидского престола²² Султана-Ахмед-шаха (1898–1930)²³. Известно, что К. Н. Смирнов имел свои интересы при шахском Дворе. Тогда почему не назвать всё своими именами: в данной истории положение полковника Смирнова ничуть не лучше Шапшала, разве что сыграл менее яркую роль.

Надо сказать, что Шапшал уехал из Персии не один, а с молодой караимкой Верой Исааковной Эгиз (1871–1950)²⁴ (Фото. 4), встреча с которой — это ещё один красивый эпизод его биографии, пожалуй, реально существовавший, но со временем обросший большим количеством мифов, как и весь персидский период его жизни. А дело было вот в чем: когда у жены Мохаммеда-Али-шаха обнаружили катаракту, которую необходимо было срочно прооперировать, встал вопрос о хирурге-

---

²² К. Н. Смирнов писал В. Ф. Минорскому в письме от 31 июля 1912 г.: «Поклевский находит, что я должен продолжить контракт еще на два года, то есть до совершеннолетия (18 лет) Шаха под видом советника Двора или чего-нибудь в этом роде». ИВР РАН АВ. Ф. 134. Оп. 3. Ед. хр. 797. Л. 3 (об).

²³ К. Н. Смирнов испытывал весьма добрые чувства к своему воспитаннику; так, спустя много лет, в письме от 23 августа 1926 году он писал из Трапезунда В. Ф. Минорскому в Париж: «Если Вы имеете связи с экс Шахом, то не откажите выразить ему мои чувства. Я писал ему после смерти Мухаммеда-Али-шаха и посылал письмо через Консульство. Скажите, что я шлю мысленно ему наилучшие пожелания в новой жизни». ИВР РАН АВ. Ф. 134. Оп. 3. Ед. хр. 798. Л. 31 (об).

²⁴ Настоящее имя — Баруха, родилась 30 января 1871 г. в семье Одесского купца первой гильдии, потомственного почетного гражданина Исаака Баруховича Эгиза (ум. в 1901) и Тотеки Шебетеевны Хаджи (ум. 1926). В 1881–1888 гг. училась в городской гимназии Одессы. В 1891 г. В. И. Эгиз уехала в Швейцарию, где изучала медицину в Бернском университете, который окончила в 1897 г. Вернувшись в Россию, она продолжила обучение в Московском университете. Доктор медицинских наук, врач-офтальмолог, Эгиз работала с 1902 г. в Одессе, с 1905 г. — в Тифлисе, затем в Париже, с 1919 офтальмолог в Стамбуле. Совершила более 2000 операций. Гражданская жена Соломона Самойловича Крыма (1867–1936), члена Госсовета, а также I и III Госдумы. В 1909 г. заключила брак с С. М. Шапшалом. Детей не имела.

офтальмологе, который должен был быть не только первосортным специалистом и говорить по-персидски, но и обязательно женщиной, так как ни один мужчина не имел права видеть ее лица и прикасаться к ней. Тогда, очевидно по подсказке Шапшала, в Тегеран пригласили глазного хирурга В. И. Эгиз. После удачно проведенной операции Шах решил отблагодарить красавицу следующим образом: он пригласил её вместе с Шапшалом во дворец и сказал: «Учитель, вы возьмете эту женщину в жены. Она заслужила такого мужа! А вы достойны ее! Можете идти. Вместе!»²⁵.

Вернувшись в Петербург в конце 1908 г. (Фото. 5), Сергей Маркович с молодой супругой поселился на Петербургской стороне, в доме на углу Б. Пушкарской ул. и Съезжинской (до этого с 1894 до 1901 г. он жил на Малой Итальянской ул. 33, кв. 11). С. М. Шапшал продолжал следить за событиями в Персии и за жизнью Шаха, неоднократно писал ему письма. После продолжительной кровопролитной гражданской войны, 3 июля 1909 г., Шах был свергнут. Сначала он бежал в Россию, жил в Одессе²⁶ (к нему был приставлен бывший инструктор персидской казачьей бригады осетин Я. В. Хабаев (1870–1941), но когда началась первая мировая война, Хабаев ушел на войну, а к экс-Шаху, по официальному распоряжению МИД, приставили Шапшала). Затем экс-Шах перебрался в Турцию, после чего осел на юге Франции, где и умер в 1925 г., в год падения династии Каджаров.

Пребывание С. М. Шапшала в Персии имело не только политическую окраску; оно принесло известную пользу и для развития российского востоковедения. Так, в частности, профессор В. А. Жуковский в одном из писем к Сергею Марковичу просил выяснить, что собственно

---

²⁵ История эта была рассказана К. Фуки (двоюродным внуком С. М. Шапшала) одесскому краеведу И. Чоппу.

²⁶ В номере за 14 августа 1909 г. «Голоса Москвы» (еженедельной политической газеты, издаваемой А. И. Гучковым, лидером Союза 17 Октября), говорилось: «...получено известие, что экс-Шах Мохаммед-Али будет жить не в Одессе, а в Крыму в имении Шапшала, бывшего долгое время другом и советником Шаха, решившегося расстаться с ним вследствие настояний персидских сановников и угроз со стороны населения, невзлюбившего Шапшала. Расставаясь, Шах предложил пенсию, но дальновидный Шапшал предпочел единовременное пособие. На полученные 300 000 руб. он по возвращении в Россию купил в Крыму возле Феодосии имение, куда ждет теперь развенчаного друга».

означает в современном иранском разговорном языке слово «Шамаиль». Шапшалу удалось узнать, что так называются художественные изображения шиитских святых. Впоследствии он вспоминал: «По многочисленным просьбам профессора мне удалось купить несколько мусульманских икон шиитских святых и привезти их с собой из Персии в 1908 г., так как это открытие имело бы большое значение для науки, ведь в Европе об этом никто не имеет никакого представления»²⁷ [Дзевановский 2014, с. 16–17]. Его находка действительно представляла большой интерес в то время, и в связи с этим, спустя два года он выступил с докладом «Мусульманские святые в художественном изображении шиитов Персии» на торжественном Собрании Общества русских ориенталистов [ОРО] в присутствии Великой княгини Милицы Николаевны²⁸ и почетного гостя из Парижа профессора Поля Буае (Paul Boyer, 1864–1949), которое состоялось в четверг 31-го Марта 1911 г. в помещении Императорского Русского Географического Общества [Дзевановский 2015, с. 46–48].

Надо сказать, что Шапшал принимал деятельное участие в Обществе с самого начала его существования (декабрь 1910 г.). Сначала Шапшал занимал должность секретаря, позднее Председателя секции Ближнего Востока, а с конца 1912 г. стал Товарищем Председателя всего Общества²⁹ и был избран редактором отдела мусульманских стран Азии.

В 1913 г. по рекомендации В. А. Жуковского и В. В. Бартольда им была подготовлена статья о шиитских иконах и опубликованная в том же году в «Восточном Сборнике» ОРО; в ней воспроизведены почти все купленные им в Персии иконы. Много позже, в 1934 г., Шапшал переработал и дополнил статью о шамаилях, добавив в качестве иллюстраций те иконы, которые не были воспроизведены ранее.

---

²⁷ Шапшал С. М. Валентин Алексеевич Жуковский. Из личных воспоминаний его бывшего ученика. LMAVB RS. Ф. 143. Ед. хр. 998. Л. 2.

²⁸ Приглашение на заседание ОРО, адресованное В. А. Жуковскому. ИВР РАН АВ. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 159. Л. 1.

²⁹ С. М. Шапшал сменил на этом посту Александра Алексеевича Адамова (1870–?). См.: Сношение Генерального Секретаря ОРО С. В. Жуковского с Русским Комитетом для изучения Средней и Восточной Азии. СПФ АРАН. Ф. 148. Оп. 1. Ед. хр. 75. Л. 41; см. также отзыв И. Ю. Крачковского о трудах С. М. Шапшала для присвоения последнему докторской степени. СПФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 1. Ед. хр. 428. Л. 8.

Впоследствии известный востоковед А. А. Быков (1896–1977) высоко оценил собранные Шапшalom иконы и считал его первооткрывателем в этой области. Он писал: «В то время это было новинкой для ученых как образцы народной религиозной живописи. Появление в Иране шиитских икон С. М. Шапшала связывал с традициями персидской миниатюры, шиитскими мистериями («та'зйа») и воздействием проникавших в страну произведений западноевропейского искусства <...>. Конечно, они не могут сравниться по своей технике с персидской миниатюрой, но представляют большой интерес как памятники персидского народного творчества, как яркое самобытное явление в культурно-религиозной жизни Ирана» [Быков 1966, с. 111; Васильева 2006, с. 288]. Забегая немного вперед, скажу, что по завещанию ученого некоторые шамаили из его коллекции были переданы в дар Государственному Эрмитажу [Адамова 2010, с. 455–456].

Помимо шамаилей С. М. Шапшала привез материал по фольклору азербайджанского населения Персии, но издать его смог только лишь в 1935 г. Кроме того, перу С. М. Шапшала принадлежит ряд пока еще неизданных работ по языку и народной литературе Азербайджанской Персии. Сейчас несколько из этих работ опубликованы, в том виде, какими они были при жизни автора.

Возвращаясь ко времени второго петербургского периода Сергея Марковича, надо сказать, что в начале мая 1909 г., узнав об открытой вакансии на штатную должность лектора турецкого языка при ФВЯ, С. М. Шапшала обратился с письмом к В. Д. Смирнову, – в котором писал: «...имею честь покорнейше просить сделать зависящее от Вас представление Факультету об утверждении меня в означенной должности»³⁰, прошло несколько месяцев и 9 сентября того же года на Заседании Совета ФВЯ при закрытой баллотировке Шапшала был избран единогласно и зачислен на должность штатного лектора турецкого языка, пробыв в должности вплоть до 1918 г. Одновременно с этим, 16 июля 1909 г. он был взят в штат ПД МИД в качестве драгомана VII класса в чине надворного советника с содержанием в 3200 рублей в год (в марте 1915 г. переведен в драгомены VI класса в чине коллежского советника, а перед

---

³⁰ Письмо С. М. Шапшала В. Д. Смирнову. ИВР РАН АВ. Ф. 50. Оп. 1. Ед. хр. 207. Л. 1.

самой революцией получил чин статского советника).³¹ Устроив свою жизнь, наконец, он мог заняться тем, о чем давно мечтал — научной и преподавательской деятельностью.

В начале 1911 г. Шапшал был приглашен преподавать азербайджанский язык на курсах «Окраинных туземных языков для чинов Министерства Юстиций» Императорского общества Востоковедения в Петербурге. В октябре того же года он был зачислен преподавателем азербайджанского языка и турецкого наречия в Учебное отделение восточных языков (УОВЯ при ПД МИД) [Куликова 1994, с. 329], где персидский язык преподавал хорошо ему знакомый принц Мирза-Риза-Хан, а директором был профессор В. А. Жуковский; вместе с тем он состоял на службе при статистическом отделении в Морском Генеральном Штабе переводчиком IV класса³² (занимался во время войны переводом документов).

Как сотрудник МИД, 18 Февраля 1913 г., в дни празднования 300-летия Дома Романовых, Сергей Маркович был допущен на официальный прием Хана Хивинского Асфандияр-хана (1871–1918) у Николая II, проходивший в Большом Царскосельском дворце. За «стояние» при Хане 12 мая 1913 г. он был награжден «подарком по чину»³³.

Существует устоявшееся мнение, что будто бы С. М. Шапшал часто встречался с членами семьи царствующей династии Романовых [Кизилев 2009, с. 45; Ормели 2010, с. 162]³⁴. Можно предположить, если такое и случалось, то лишь по долгу службы. Хорошо известно, лишь первая его встреча с императором осенью 1908 г. при содействии влиятельного военного и востоковеда-любителя Н. А. Султана-

---

³¹ В договоре на сдачу квартиры от 27 сентября 1918 г. В. И. Шапшал писала: «...жена Статского Советника Вера Исааковна Шапшал сдаёт квартиру в г. Евпатории по I Продольной ул. за 3000 р. на год». LMAVB RS. Ф. 143. Ед. хр. 51. Л. 1.

³² Личные документы С. М. Шапшала. LMAVB RS. Ф. 143. Ед. хр. 2. Л. 1.

³³ Дело о приезде Эмира Бухарского и Хана Хивинского на празднование 300-летия Дома Романовых. РГИА. Ф. 472. Оп. 45. Ед. хр. 21 (1913). Л. 24, 43, 146. Подарок по чину за стояние при высоком госте: золотая табакерка, не превышающая стоимости 150 руб.

³⁴ О знакомстве с царем, Ататюрком, Адиль Мурзой Карашайским, Исмаилом Гаспринским, маршалом Пилсутским и другими видными деятелями писали А. Кальфа и племянница С. М. Шапшала Мария Фёдоровна Шапшал по прозвищу «Муму» — детский врач-инфекционист.

Крым-Гирея (1836–1921); непродолжительное время Шапшал состоял в переписке с императрицей, и переписка эта частично опубликована в парижской еженедельной газете «Возрождение» [Сарач 1995, с. 16–17]. Был знаком и с первой фрейлиной императрицы, близкой её подругой — А. А. Вырубовой (1884–1964). В её воспоминаниях действительно упоминаются встречи Сергея Марковича как с ней³⁵, так и императорской семьей: «...я познакомилась с некоторыми интересными людьми, между прочим с караимским гахамом, образованным и очень милым человеком» [Карачевцев 1928, с. 163]. Можно найти и упоминания о встречах с царскими детьми: в письме к Николаю II от 25 июня 1916 г. из Царского села императрица Александра Федоровна писала о дочери Анастасии: «...когда ее друг сердца караим был здесь и услаждал её, она была прекрасно настроена» [Платонов 2005, с. 286], или, позднее: «В августе из Крыма приехал Гахам караимский. Он представлялся Государыне и несколько раз побывал у наследника, который слушал с восторгом легенды и сказки, которые Гахам ему рассказывал» [Карачевцев 1928, с. 165].

Возвращаясь к научной деятельности С. М. Шапшала, необходимо отметить следующий этап в его биографии. В мае 1915 г. на съезде в Крыму, где присутствовало 19 представителей караимских общин и представитель Крымского Губернатора, было постановлено (13 голосов «за» и 6 «против») избрать С. М. Шапшала гахамом (духовным лидером) и в октябре того же года он принял на себя звание IV Таврического и Одесского караимского гахама (его резиденция находилась в Евпатории, но из-за продолжавшейся Первой мировой войны Шапшал продолжал жить в Петербурге и лишь изредка приезжал в Евпаторию).

---

³⁵ Речь идет о поездке Монаршей семьи в Евпаторию в середине мая 1916 г. Так, в одной из местных газет было написано: «Царская семья <...> поехала в кенасу. Венценосных особ радушно встречал гахам Хаджи Серая Хан Шапшал. Гахам пригласил всех присутствовавших посетить большую кенасу. Сопровождавший Императора генерал Александр Спиридович вспоминал, что убранство кенасы, старинные хрустальные лампы, пение, напоминавшее иногда как будто бы наши православные мотивы, всё это произвело на нас всех, православных, сильное впечатление. Служил Шапшал, человек с университетским образованием, красивой наружности, он и служил красиво, и говорил хорошо».

Церемония проходила в Чуфут-Кале по старым традициям древних тюрков Алтая³⁶ в мае 1916 г. [Sharira 2007, с. 45].

Избрание Шапшала в гахамы было не случайным. Его уже избирали на пост гахама в Тракае в августе 1911 г.³⁷, после смерти местного гахама Ромуальда Кобецкого (1823–1911), но тогда он был вынужден отказаться, ссылаясь на отсутствие опыта и свою молодость, потому еще что получил из МИД отказ на запрос об отпуске.³⁸ По тем же причинам год спустя он отказался от выставления своей кандидатуры на пост гахама Таврической губернии³⁹ после смерти гахама С. М. Пампулова; последний ценил преданность Шапшала своему народу, научный потенциал, организаторские способности, человеческие качества, особый интерес к караимской старине, к культуре и материальным памятникам караимского народа. Зная, что С. М. Пампулов благоволил Шапшалу, многие встали на его сторону в момент голосования. Есть и еще один факт из жизни семьи Шапшала, который мог повлиять при ходе голосования: ранее, в 1879 г., когда избирался новый гахам, была выдвинута канди-

---

³⁶ По поводу теории об алтайско-тюркском происхождении караимов и языческих корнях караимского религиозного учения в настоящее время ведутся острые научные и около-научные дебаты.

³⁷ По материалам, собранным Stefan'om Gąsiorowski из Ягелловского университета (Краков), «в Тракае собрались представители пяти караимских общин из Северо-Западных губерний России, а именно: Харченко из джимата Тракая, Фиркович из Луцкого, Раецкий из Паневежисского, Ахизер Зайончковский из Виленского и другой Фиркович из Псковско-Островского. Без предшествующих консультаций с кандидатами на эту должность 16 августа 1911 года они выбрали новым тракайским гахамом С. М. Шапшала тремя голосами «за», тогда как два голоса получил полковник российской армии и поэт Шимон (Семен) Кобецкий (1865–1933). Шапшал, однако, этой чести не принял, ссылаясь на отсутствие необходимой подготовки и еще слишком молодой возраст, хотя в то время ему было уже 38 лет. Так же поступил Кобецкий, которому досталось два остальных голоса».

³⁸ Дополнение к биографии, написанное С. М. Шапшалом. LMAVB RS. Ф. 143. Ед. хр. 25. Л. 1 (об).

³⁹ Есть предположение, что одной из причин его отказа был протест против его кандидатуры со стороны караимских общин Феодосии и Евпатории, в которых особенно молодые члены ставили под сомнение политическую деятельность Шапшала при дворе Шаха за несколько лет до этого в Персии, о чем писала и российская пресса того времени.

датура Мортхая Шапшала, отца ученого, который отказался от этой должности в виду своего возраста, и тогда был избран С. М. Пампулов.

Первое, что сделал Шапшал в должности гахама, — занялся улучшением финансового состояния караимских начальных религиозных школ. Он собирал книги, рукописи и другие материалы, отображающие духовную и материальную культуру караимов, а в 1916 г. на основе своей личной коллекции⁴⁰ и книгохранилища евпаторской общины Национальной караимской библиотеки С. М. Шапшал создал научную библиотеку-музей. Идея её создания зародилась еще в 1896 г. в ходе разговора С. М. Шапшала с его караимскими друзьями во время учебы в Петербурге. Библиотека делилась на две части: «Карай-Битиглики» (Караимская письменность), в которой было собрано 8000 печатных книг и свыше 1500 старинных рукописей на древнееврейском, арабском и караимо-тюркском языках, и библиотека им. А. Ю. Мичри (1830–1917), известного библиофила и учёного-самоучки, в которой насчитывалось более 20000 томов (70 больших шкафов), подаренная родственниками Мичри в 1918 г.

Заведовал библиотекой сначала М. Я. Фиркович (1864–1918), а после его смерти С. С. Ельяшевич (1879–1933).

В «Карай-Битиглики» входил также архив бывшего Таврического и Одесского Караимского Духовного правления и большое собрание очень ценных музейных предметов из обихода караимов, в том числе богатая коллекция караимских костюмов и тканей (алтарные завесы и наложные покрывала) тонкой ручной художественной работы, привезенных из ликвидированной в 1832 г. древней караимской кенасы в Дамаске [Кефели 1993, с. 214–215].

С. М. Шапшалом был создан совместно с А. И. Катыком (1883–1942) и Б. С. Ельяшевием печатный орган, под названием «Известия караимского Духовного Правления», просуществовавший 2 года (с 1917 по 1919 гг.). В числе книг, вышедших в этом издательстве, была хрестоматия для студентов, составленная С. М. Шапшалом.

---

⁴⁰ Начало собственного собрания было положено в 1910 г., в Петербурге, когда он купил 600 томов из библиотеки караимского купца С. Д. Кокизова (?–?), затем он приобретал то, что, по его мнению, представляло интерес у местных караимов. Письмо И. В. Сталину от 23 февраля 1950 г. LMAVB RS. Ф. 143. Ед. хр. 136. Л. 3. В этом письме С. М. Шапшал объясняет о своей деятельности и целесообразности сохранения музея.

По предложению и под патронажем гахама в Евпатории было создано и активно действовало благотворительное общество «Имдад» («Помощь»). На собранные пожертвования Шапшал выкупил два домика в Евпатории, в которых открыл караимский детский сад и богадельню на 25 человек «Ярдым» (в память о своей матери) для больных пожилых одиноких караимок, которую впоследствии передал в дар местной кенасе для захер'а (вечного поминания) о покойной матери. С. М. Шапшал старался также помогать караимским беженцам из Прибалтики, которые в ходе Первой мировой войны искали убежища на Украине.

За большие заслуги Шапшал в Евпатории был удостоен титула Государственного Советника: его деятельность охватывала все аспекты жизни крымских караимов в Российской Империи. Кроме того, С. М. Шапшал продолжил реформы, начатые С. М. Пампуловым: так, к примеру, на национальный съезд в качестве делегатов впервые были допущены женщины.

Как известно, любые реформы обычно сопровождаются как восторженными похвалами довольных, так и хулой недовольных. Во время проводимой гахамом С. М. Шапшалом языковой реформы и поисков языковых доказательств тюркского происхождения караимов образовалось две фракции: «шапшалисты» и «антишапшалисты». Полемика разгорелась не на шутку. Газетную компанию против Шапшала в «Русском Слове» начал И. А. Горелик (?–?), обвинивший ученого в том, что он отделился от еврейских корней.⁴¹ В Европе отозвались на такие нападки неподдельным удивлением и непониманием. В итоге была принята тюркская версия.⁴² Эта борьба была не напрасной, она сыграет в будущем положительную роль в драматических событиях 1930-х – 1940-х гг.

В конце 1918 г. премьер-министр Крымской народной республики [бывший член конституционно-демократической партии Государственной думы] караим С. С. Крым (1864–1936)⁴³ не раз предупреждал Шап-

⁴¹ Опись фонда С. М. Шапшала. LMAVB RS. Ф. 143. Ед. хр. 1616. Л. 3.

⁴² В XX в. среди караимов было уже достаточно много людей, не приверженных традиционным духовным ценностям. Для того, чтобы сплотиться, им нужен был новый идеологический фундамент. Таким фундаментом стала национальная теория алтайско-тюркского происхождения караимов.

⁴³ Между прочим, его сестра — Р. С. Крым — была известной в Петербурге женщиной-хирургом, которая в то время защитила диссертацию на степень доктора мед. наук [Оппель 1923, с. 376].

шала, что его должны арестовать и посадить в тюрьму. С. М. Шапшал, бежавший из Евпатории, все же был арестован деникинцами в Крыму и посажен в тюрьму на несколько недель. В 20-х числах февраля 1919 г., он сложил с себя должность гахама и чудом избежал расстрела: когда С. М. Шапшала везли на лодке на корабль, стоявший в Евпаторийском порту, где должны были привести в исполнение смертный приговор, он был совершенно спокоен. На вопрос матросов, не боится ли он смерти, Шапшал ответил, что верит в свою судьбу. Это произвело такое сильное впечатление, что они повернули лодку и высадили его на берег. Расстрелять его хотели за открытые похвалы в адрес отступающих на север большевиков и осуждение действий дикой орды деникинцев. Сергей Маркович ночью бежал из России, и через Баку и Батум, эмигрировал в Турцию, где прожил 9 лет с женой, перебравшейся туда спустя несколько месяцев после него.

Как в Персии и России, так и в Турции он стал свидетелем краха империи, вочью наблюдал закат османской монархии, как и ранее — династии Каджаров и Романовых. Так как в азиатских странах имя С. М. Шапшала было весьма популярно, Сергей Маркович довольно быстро смог там освоиться и вскоре получил гражданство. В Стамбуле Шапшал оказался в очень трудном материальном положении, но, превосходно зная многие восточные языки, вскоре сумел устроиться на работу и твердо встать на ноги. В середине 1920 г. Шапшал уже пустился в путешествие по Египту, а в следующем году отправился в Иерусалим, а затем и в Грецию. В мае 1921 г. он получил должность судьи-заседателя консульского суда по ходатайству представительства российской дипломатической миссии в Стамбуле.⁴⁴ Затем устроился работать секретарём-переводчиком местного грузинского банка, а впоследствии вице-директором в Коммерческом Торгово-Промышленном Турецко-Персидском Банке, где проработал почти 6 лет, с 20 июня 1922 по 31 марта 1928 г.⁴⁵ При этом он все время непрерывно занимался научными исследованиями по своей специальности. Он был хорошо знаком с Мустафой Кемалем Ататюрком — легендарной личностью в турецкой истории. Когда ученые и языковеды страны во главе с Ататюрком проводили реформу турецкого языка (1924), С. М. Шапшал был привлечен в качестве консультанта. До 1925 г. он читал лекции

---

⁴⁴ Личные документы С. М. Шапшала. LMAVB RS. Ф. 143. Ед. хр. 9. Л. 1.

⁴⁵ Личное дело С. М. Шапшала. LMAVB RS. Ф. 143. Ед. хр. 935. Л. 28.

по тюркскому языку в Стамбульском университете и одновременно служил в библиотеке султанских дворцов [Сорокина 2010, с. 220].

Проживая в Стамбуле С. М. Шапшал встречался с В. В. Бартольдом, неоднократно приезжавшим туда из Петрограда — Ленинграда порой на длительный срок⁴⁶ с женой М. А. Бартольд (урожд. Жуковской; 1866–1928). После многократных встреч с академиком В. В. Бартольдом и с его одобрения, Шапшал выкупил у одного турецкого нумизмата коллекцию редких монет Турции и Крыма в количестве 56 штук, представлявшую большой научный интерес (в 1962 г. 81 монета из коллекции С. М. Шапшала была передана по завещанию ученого в Отдел Нумизматики Государственного Эрмитажа).⁴⁷ Многократно встречался Шапшал и с А. Н. Самойловичем, с которым поддерживал на протяжении многих лет дружеские отношения. В персональном фонде С. М. Шапшала, хранится несколько писем А. Н. Самойловича. Так, например, в письме от 20 июня 1926 г., после поездки в Турцию в августе 1925 г., А. Н. Самойлович писал ему: «...наша фотографическая группа с Шюкри-беом всегда передо мною на моем письменном столе. Вот и сейчас, омокая перо в чернильницу, я каждый раз взглядываю на Вас обоих»⁴⁸ (Фото. 6). Интересно, что этот момент нашел отражение и в письме В. В. Бартольда к А. Н. Самойловичу от 15 июня 1926.: «...в последнюю пятницу были с Валидовым, Шапшалом и Куношем в Кандилли у Шюкри-бея, где я видел фотографию, на которой Вы снялись вместе с ним и Шапшалом» [Благова 2008, с. 161].

В конце апреля 1928 г. С. М. Шапшал был приглашен в Литву польским правительством в качестве верховного главы местных караимов, которым он стал по решению принятому в декабре 1927 г. на съезде караимских общин. Покинув Турцию и перебравшись в Вильнюс, 11 сентября того же года С. М. Шапшал принял звание «гахана» (Фото. 7). Голосование по избранию на должность главы караимов проходило тайно. Избрали единогласно (4 из 4 — «за»), в присутствии официальных представителей польских властей.

---

⁴⁶ Письмо А. Н. Самойловича В. Л. Котвичу от 25. 12. 1925 г. СПФ АРАН. Ф. 761. Оп. 1. Ед. хр. 27. Л. 6.

⁴⁷ Полный список коллекции С. М. Шапшала, в которой были не только восточные монеты, но и русские, польские, французские и турецкие, находится в его личном фонде. LMAVB RS. Ф. 143. Ед. хр. 1104.

⁴⁸ Письмо А. Н. Самойловича С. М. Шапшалу. LMAVB RS. Ф. 143. Ед. хр. 584. Л. 9.

Не теряя времени, Сергей Маркович начинает бурную научную деятельность на новом месте. С 1928 г. С. М. Шапшал становится членом Польского Товарищества Ориенталистов, а с 1934 по 1939 г. был Вице-президентом Товарищества, председателем которого был В. Л. Котвич (1872–1944), хорошо знакомый Шапшалу по дореволюционному периоду жизни в Петербурге [Кононов 1974, с. 289].

В 1929 г. С. М. Шапшал был избран сотрудником восточной комиссии Польской академии знаний, а в 1930 г. ему было присвоено звание доктора филологии по восточным языкам и литературе в Львовском университете.

С 1930 по 1939 г. С. М. Шапшал преподавал турецкий язык в Вильнюсской высшей школе политических наук при Научно-исследовательском институте Восточной Европы; читал также лекции в Краковском, Львовском и Варшавском университетах. Вместе с Т. Я. Ковальским (1889–1948) и А. А. Зайончковским (1903–1970), известными польскими ориенталистами, он принимал участие в издании караимского журнала «*Mysl Karaimska*» (Караимская мысль). С. М. Шапшал был инициатором создания, одним из авторов и редакторов, вместе с Н. А. Баскаковым (1905–1995) и А. А. Зайончковским, караимско-русско-польского словаря, вышедшего в свет в 1974 г., уже после смерти учёного.⁴⁹ Этот труд — действительно плод огромной работы нескольких ведущих ученых-тюркологов, изданный совместно АН СССР, АН ЛССР и АН Польши.

В 1932 г. Шапшал создал «Польское Общество любителей караимской истории и литературы» и был его почетным председателем. В 1934 г. он написал обширную статью по случаю тысячелетия Фирдоуси и выступил с ней на Литературном вечере. В издательстве знаменитого Ягеллонского университета (Краков) в 1935 г. в выпуске № 18 Польской академии знаний был опубликован один из главных его трудов «*Образцы народной литературы тюрков Иранского Азербайджана*» (*Próby literatury ludowej Turków z Azerbejdżanu perskiego*). В ней собраны фольклорные материалы Тавриза и Южного Азербайджана — сказки, притчи, загадки, пословицы и поговорки, народные приметы, а также поэтические произведения — теснифы, герайлы, баяты и образцы эротической литературы, записанные в Тавризе, Урмии, Мараве,

---

⁴⁹ Уже в майском письме за 1957 г. Н. А. Баскаков писал С. М. Шапшалу о включении в план АН СССР караимско-польско-русского словаря. LMAVB RS. Ф. 143. Ед. хр. 185. Л. 40.

Ардебиле, Серабе, Джульфе, Мияне, Зенджане и в селениях вблизи Тавриза. В 1939 г. Советом факультета филологии Вильнюсского университета им. Стефана Батория С. М. Шапшал был избран на должность экстраординарного профессора по кафедре восточных языков [Милицанд 2008, с. 991].

В эти годы он часто посещал Западную Европу и Африку. В статье М. Б. Кизилова «Новые материалы к биографии С. М. Шапшала» можно найти сведения о его поездках в Германию, Болгарию, Румынию, Турцию и Египет. Эти путешествия финансировало польское государство, один из таких вояжей стоило 2000 злотых. Бывал Шапшал и во Франции [Корляков 2009, с. 348, 354], где часто встречался с караимами — эмигрантами, с многими из которых он поддерживал отношения. В 1937 г. С. М. Шапшал с женой навестил в Югославии своего давнего коллегу, ещё одного востоковеда-эмигранта, бывшего дипломата Алексея Акимовича Олесницкого (1888–1943) (Фото. 8). Затем они посетили Всемирную Парижскую выставку. В следующем году он посетил Стамбул, Бейрут, Дамаск и Триполи. Все его путешествия прежде всего связаны с посещением мест, где так или иначе жили караимы, и сбором дополнительных материалов для музея и его научных работ.

На протяжении всей своей жизни С. М. Шапшал приносил в дар государству большие коллекции и научные ценности. Так, например, в 1936 г. С. М. Шапшал купил землю в городе Тракае (около 500 кв. м.) с одноэтажным деревянным домом на берегу озера Татарышки. В 1937 г. в Тракае благодаря усилиям С. М. Шапшала был создан Историко-Этнографический Музей караимского быта на основе редких коллекций, собранных им, и библиотека (Сагаіміса) в 1500 книг (Фото. 9).

В 1941 г. основанный Шапшалом музей, вобравший в себя ценнейшие научные собрания, где на протяжении многих лет он являлся бесменным директором,⁵⁰ был передан им в дар Вильнюсской АН, в честь воссоединения Литвы с СССР. Таким образом ему удалось сохранить музей и получить деньги на его содержание [Szapszal 2003, p. 18]. Это было его детище, результат долгой и упорной работы над собиранием и изучением экспонатов; он требовал больших материальных затрат,

---

⁵⁰ Директором музея он был до 1947 г. Личное дело С. М. Шапшала. LMAVB RS. Ф. 143. Ед. хр. 17. Л. 15; Во всех встречавшихся документах приводятся разные даты, вплоть до 1951 г. Скорее всего это делалось им ввиду необходимости защитить интересы во благо сохранения музея.

поглощавших значительную часть его профессорской зарплаты. В 10 застекленных шкафах хранилось более тысячи предметов материальной культуры, 3000 книг, 213 восточных рукописных документов, имущество Музея оценивалось в 1,5 млн. руб. Огромная научная и материальная ценность этого собрания неоднократно отмечалась многими учеными как АН СССР, так и АН ЛССР и других научных учреждений. Значение Караимского Историко-Этнографического музея высоко оценивалось также и зарубежными востоковедами.⁵¹ Например, немецкие ученые находили, что место этому своеобразному, интересно подобранному и единственному в мире собранию не иначе, как в их *Vaterland'ere!* Во время немецкой оккупации он оберегал свой музей, саботируя укладку музейных экспонатов, предназначенных штабом Розенберга к вывозу, и рискуя жизнью спас его от отправки в Германию весной 1944 г. В газете «Красноармейская правда» за октябрь 1944 г. была помещена посвященная этому хвалебная статья «Незаметные, скромные герои». В первые дни ноября 1944 г. Шапшал сдал музей в полной сохранности Комиссариату Просвещения.⁵²

В должности «гахана» в 1930-е – 1940-е гг. Шапшал вместе с другими видными деятелями предпринимал все возможные меры для спасения своего малочисленного народа от физического истребления в советских и нацистских лагерях. Это поистине подвиг во имя своего народа, оказавшегося перед лицом смертельной опасности. Не будет преувеличением сравнить С. М. Шапшала с Оскаром Шиндлером (1908–1974), который во многом благодаря своим человеческим качествам, дипломатическим способностям спас более тысячи человек от неминуемой смерти. К этому списку можно уверенно присоединить дипломатов шведов Рауля Валленберга (1912–1952) и Харальда Эдельстама (1913–1989), португальца Аристидеса де Соза Мендеса (1885–1954), японца Тиунэ Сугихара (1900–1986), который работал в Литве в то время, активистку движения Сопrotивления полячку Ирену Сендлер (1910–2008), учителя Януша Корчака (1878–1942), итальянца Джорджио Перласка (1910–1992), русского учителя Самуила Певзнера (1910–1991) или англичанина сэра Николаса Уинтона (1909–2015).

В статье В. Гулиева «Шапшал — азербайджановед...» можно найти интересные факты, касающиеся его действий по спасению своего

⁵¹ Завещание С. М. Шапшала. ИВР РАН АВ. Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 1563. Л. 32.

⁵² К моей биографии. LMAVB RS. Ф. 143. Ед. хр. 37. Л. 2–3.

народа: «Духовный лидер караимов, чутко разглядев надвигающуюся беду, сумел предпринять некоторые упреждающие меры. Еще в 1934 г. по приглашению С. М. Шапшала в Вильнюсе побывали итальянские антропологи, в частности Corrado Gini (1884–1965), проведшие демографические, антропологические и медико-биологические изыскания, связанные с караимами. В результате проведенных исследований они пришли к заключению, что караимы в расовом и этническом отношении не связаны с евреями [Гулиев 2007, рукопись]. Позднее итальянцы опубликовали специальную статью на данную тему в римском журнале «Scientia» («Наука»). В сентябре 1939 года, когда захватившие Польшу нацисты начали творить невиданные зверства в отношении евреев, Шапшал, не теряя времени, прихватив с собой материалы о результатах упомянутых исследований, в начале 1940 года отправился в Берлин. Благодаря связям и настойчивости, он в 1941 г. получил в департаменте Восточных территорий от генерального комиссара Литвы А. фон Рентельна (1897–1946) официальную «охранную грамоту» третьего рейха, удостоверяющую нееврейское (тюркское) происхождение его соплеменников. По свидетельству караимского исследователя М. М. Казаса (1896–?), нацистское бюро в Берлине (Institut für Grenz- und Auslandstudien), занимавшееся расовыми вопросами, не довольствуясь исследованиями итальянских коллег, в 1942 г. отправило в Литву своих представителей. Они с присущим им педантизмом вновь занялись выяснением расовой принадлежности местных караимов. С этой целью немецкие специалисты дотошно изучили параметры и величину черепной коробки, строение лицевой части, глазниц, цвета кожи, форму волос, группы крови и прочие атрибуты объекта их «научного» внимания. И только после этих усердных трудов приготовили соответствующий документ о принадлежности караимов не к семитско-еврейской, а тюркско-монгольской расе. Копии этой своеобразной индульгенции, полученной от нацистов, были размножены (1000 копий) и розданы, по мере возможности, основной массе караимов. Понятно, что не всех удалось спасти (посланный документ не дошел вовремя до Краснодара и Новороссийска, там караимов расстреляли вместе с евреями). Однако сотни караимов, именно благодаря «Списку Шапшала», смогли избежать участи жертв Холокоста. Правда, нашлись люди, которые впоследствии расценили действия караимского «гахана» как шаг, направленный против еврейства. Евреи-раввинисты, чьи имена не попали в «Список Шапшала», обвинили последнего в сотрудничестве с нацистами.

В 1945 г. С. М. Шапшал окончательно сложил с себя полномочия караимского «гахана» (первую попытку уйти с этой должности он сделал в 1940 г., но местными властями ему в этом было отказано), подав официальную бумагу уполномоченному по делам религиозных культов при Сов. Мин. ЛССР.⁵³ В этом же году хотел перебраться по эвакуационной карте в Польшу, но советские власти на это ему не дали согласия (с 1940 г. имел советское гражданство, «вернувшись» таким образом через много-много лет снова в «Россию»).

С. М. Шапшал летом 1948 г. ездил в Москву специально для подтверждения своего профессорского звания.⁵⁴ В письме от 12 мая 1948 г. к академику И. Ю. Крачковскому (1883–1951), с которым после длительного вынужденного перерыва он восстановил научную связь, С. М. Шапшал описал эту ситуацию так: «...в Москву все же придется выехать в связи с восстановлением моих прав на звание старшего научного сотрудника Института Истории Литвы при здешней Академии. К приближающемуся 75-летию со дня моего рождения я получил неожиданный сюрприз. Дисквалифицировано около 30 человек, среди которых очутился и я, ибо мы не имеем теперешнего звания кандидата наук. Надо ехать с имеющимися на руках документами об окончании Университета и удостоверения о присвоении мне в 1930 г. Львовским университетом звания доктора филологии. Бывали здесь случаи, что в Москве не признавали полученных местными профессорами докторских званий. Если это случится и со мной, то представляю в качестве диссертации написанную мной монографию “История тюрков-караимов в Крыму, Литве и Польше”, которая содержит в себе 9 глав и состоит из 451 л.»⁵⁵ Отзывы о его деятельности в 1948 г. писали академики В. А. Гордлевский

---

⁵³ Дополнение к биографии, написанное С. М. Шапшалом. LMAVB RS. Ф. 143. Ед. хр. 25. Л. 8.

⁵⁴ В ответном письме от 28 июня 1948 г. И. Ю. Крачковский писал: «Надеюсь, что Вы не очень устали от такой утомительной поездки, которая дала Вам возможность взглянуть на Москву после 30 лет. Этим летом мы предполагаем устроиться неподалеку от Ленинграда около Келломяк, вероятно памятных Вам по Финляндской ж.д., рядом с ними в Териоках была когда-то дача Жуковских». LMAVB RS. Ф. 143. Ед. хр. 399. Л. 90.

⁵⁵ Письмо С. М. Шапшала И. Ю. Крачковскому. СПФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Ед. хр. 998. Л. 53.

(1876–1956) и И. Ю. Крачковский и в 1951 г. член-корреспондент С. Е. Малов (1880–1957).⁵⁶

На основании весьма благоприятных отзывов академиков Крачковского и Гордлевского, и принимая во внимание серьезные научные заслуги С. М. Шапшала, академик В. П. Волгин (1879–1962), тогдашний Вице-президент АН СССР, писал в АН ЛССР ходатайство об утверждении его в звании доктора наук по совокупности работ без защиты диссертации.⁵⁷

По закону 1937 г. в Прибалтике были отменены все ограничения, связанные с прошлой деятельностью советских граждан, поэтому ВАК не имел законных оснований для отклонения ходатайства АН СССР, но дело сильно затянулось. Ко всему прочему, с 10 февраля 1950 г. АН ЛССР, ввиду сокращения штатов служащих, в числе других освободила и С. М. Шапшала от занимаемой должности старшего научного сотрудника и научного руководителя созданного и подаренного им государству музея. Таким образом, он остался без всяких средств к существованию, получая минимум, а возраст и здоровье его и жены (скончавшейся 9 апреля 1950 г.), требовало больших денежных затрат. Всячески торопя принятие решения, Сергей Маркович неоднократно писал в АН ЛССР. Так, в письме от 20 января 1953 г. Ю. И. Жюгжде (1893–1979) — директору Института Истории и Права и Вице-президенту АН ЛССР, С. М. Шапшал писал: «...надеюсь, что Вы не оставите без внимания дело старого работника науки, по недоразумению не восстановленного в своем ученом звании после воссоединения нашего Края с СССР, что до сего времени препятствует даже оформлению занимаемой мною должности старшего научного сотрудника Института»⁵⁸. Но тот не знал что делать с ним, так как вообще в Академии не знали, как быть, ибо в Вильнюсе не было ни одного специалиста по востоковедению. С. М. Шапшал советовал переслать все делопроизводство в Институт Востоковедения в Ленинград, как это и предполагалось раньше. Со временем вопрос разрешился и всё закончилось благополучно для

---

⁵⁶ С. М. Шапшал благодарил С. Е. Малова за любезно присланный лестный отзыв о его скромной научной деятельности. СПФ АРАН. Ф. 1079. Оп. 3. Ед. хр. 274. Л. 1.

⁵⁷ Личное дело С. М. Шапшала. LMAVB RS. Ф. 143. Ед. хр. 17. Л. 24.

⁵⁸ Там же. Л. 29.

С. М. Шапшала, который был без защиты утвержден в степени профессора филологических наук (*honoris causa*) в январе 1955 г.

Ещё с середины 1944 г. у С. М. Шапшала была полноценно восстановлена переписка с советскими востоковедами, в частности, и с И. Ю. Крачковским, помимо этого, был налажен обмен книгами. Так, например, после получения книги последнего «Над арабскими рукописями» Шапшал прислал Крачковскому благодарственное письмо. В ответ Крачковский писал Шапшалу: «Рад слышать, что моя книжка доставила Вам некоторое развлечение. Я даже и не знал, что в связи с диспутом А. Э. Шмидта [1871–1939] были какие-то разговоры в кругах наших старших учителей. А в эти годы в мои руки случайно попался тот экземпляр моей собственной диссертации, по которому меня разносил А. Ф. Хацаб, <...> написанной им рецензии мне так и не удалось никогда увидеть. Если бы не блокада и не эвакуация, едва ли бы я когда-нибудь написал свою книжку, отдельные главы которой служили для меня иногда своеобразной отдушиной. Часто я над ними отдыхал, но будет ли понятен мой тон для нашей молодежи, которая не переживала этого прошлого, не знаю»⁵⁹ [Долинина 1994, с. 139–140; Дзевановский-Петрашевский 2016, с. 403–435]. И, в другом письме: «...благодарю Вас за доброе слово о моей книжке и её оформлении, которое действительно принадлежит моей жене Вере Александровне, графику-самоучке; некоторые образцы по отзывам художников выходят у нее недурно. Мне лично нравится, что в заставке с зеркальным изображением теперь увековечен мой давний арабский псевдоним «Гантус ар-Руси», хотя, как видно, разобрать его не всегда удастся».⁶⁰

По просьбе И. Ю. Крачковского, С. М. Шапшал передал в 1947 г. в архив АН СССР письма умершего В. Л. Котвича (см. личный фонд В. Л. Котвича в СПФ АРАН под № 761).

В 1954 г. С. М. Шапшал пытался добиться от правительства заслуженной персональной пенсии, но ему было отказано, и только с 1956 г. он смог систематически получать пенсию по старости в размере 520 руб.

---

⁵⁹ О А. Ф. Хацабе см.: письма А. Ф. Хацаба А. Н. Самойловичу. РНБ ОР. Ф. 671. Ед. хр. 298. ЛЛ. 1–28. Рецензия А. Ф. Хацаба написанная 1914 г. на магистерскую диссертацию И. Ю. Крачковского «Абу-л-Фарадж ал-Ва'ва Дамасский. Материалы для характеристики поэтического творчества». СПФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 2. Ед. хр. 89. ЛЛ. 1–73.

⁶⁰ Письмо И. Ю. Крачковского С. М. Шапшалу. LMAVB RS. Ф. 143. Ед. хр. 399. ЛЛ. 22 (об), 33.

В мае 1960 г., незадолго до смерти профессора С. М. Шапшала, вышел сборник, посвященный памяти его любимого и высококочтимого учителя В. А. Жуковского. Специально для этого сборника Шапшал написал статью-воспоминания.

Правда, в ней он несколько вольно описал некоторые факты, связанные с участием профессора В. А. Жуковского в организации и жизни ОРО. На одну из таких «вольностей» незамедлительно отреагировал сын В. А. Жуковского Сергей Валентинович (1883–1966), полагавший, что эта досадная ошибка появилась по вине редактора сборника, хотя в ней, конечно же, виноват сам С. М. Шапшал. С. В. Жуковский так описал свои переживания в письме к В. А. Крачковской (1884–1974), вдове академика И. Ю. Крачковского, единственного близкого друга студенческих лет С. В. Жуковского: «Наконец еще одно событие. После продолжительных и тяжелых стараний вышел в свет сборник, посвященный памяти моего отца. Его я получил от П. П. Бушева [1899–1981] только третьего дня. Книжка вышла весьма приятная, но варварству издательских редакторов нет границ. Я не касаюсь статей научного содержания. Там я судить не берусь. Но моя статья сокращена приблизительно на 35–40%. Выкинуты части весьма существенные. Пусть это делается, если надо, но нельзя сокращать с искажением фактов. <...> Допущена грубая ошибка и в статье С. М. Шапшала. В ней сказано, что профессор пожелал образовать в 1912 году ОРО, что он хотя и не входил в состав его членов, но руководил его работами. Это неверно. ОРО возникло по инициативе молодых ориенталистов моего и соседнего с моим выпусков. Отец вначале был ПРОТИВ образования «нового» общества, но затем он увидел, что работа Общества идет по верному пути и любезно согласился принять звание его Почетного Члена. Я не думаю, что бы тут ошибся автор статьи, бывший Товарищ Председателя. По-видимому, опять накрутили издательские редакторы. Но разве можно так легкомысленно обращаться с авторскими текстами. Я допускаю еще такое варварство в газетных статьях, но ведь здесь то идет речь о «научной» книжке, издаваемой Академией Наук. Ведь это ДОКУМЕНТ для будущих поколений. <...> Каково Ваше мнение на сей печальный инцидент»⁶¹.

---

⁶¹ Письмо С. В. Жуковского В. А. Крачковской. СПФ АРАН. Ф. 1026. Оп.. 8. Ед. хр. 176. Л. 87.

Последние годы С. М. Шапшал долго болел. Жизненный путь доктора филологических наук, крупного специалиста по туркологии и караимоведению, Сергея Марковича Шапшала закончился 18 ноября 1961 г. Шапшал прожил интересную жизнь, полную драматичных перипетий. Он родился во времена императора Александра II, а окончил свой век в хрущевскую эпоху, в советской Литве (начиная с середины XIX в. крымские караимы стали покидать Чуфут-Кале и со временем рассеялись не только по территории бывшего СССР, но и далеко за его пределами, оказавшись в Польше, Франции, Америке и странах Ближнего Востока).

Он похоронен на караимском кладбище в Вильнюсе, там же похоронена его жена и брат жены. АН ЛССР сделала по договору с душеприказчиком С. М. Шапшала — профессором Константином Ромуальдовичем Лопатто (1896–1974) — на могиле ученого памятник в знак признания его заслуг перед советской наукой и государством (дело в том, что С. М. Шапшал все свои средства тратил на собирание коллекций и после его кончины не осталось никаких сбережений), а К. Р. Лопатто, в свою очередь, отказался от всех претензий относительно 235 книг из библиотеки покойного ученого, отобранных АН (эти книги перечислены в акте от 28. 12. 1961). С претензиями на наследие покойного выступал и Исаак Семенович Кобецкий (?–?): писал оскорбительные письма, недостойно себя вел в присутственных местах и проч. Но поняв, что ничего не получит, он отступился, и вскоре дело, возбужденное АН Литвы против него, было закрыто.

После себя С. М. Шапшал оставил более сотни работ (свыше 60 опубликовано, около 40 неопубликованных лежит в архиве) по истории, археологии, нумизматике, литературе, фольклору, языку тюркских народов на русском, польском, французском и турецком языках.

Специально созданной комиссией было постановлено (акт № 292) разобрать архив, который имеет большое общенаучное значение, описать и передать в АН ЛССР. В Комиссию, которая была создана в декабре 1961 г., от АН СССР входили В. И. Неупокоев, К. М. Мусаев и А. Н. Баскаков. Описывали рукописный фонд С. Г. Кляшторный (1928–2014) и Ю. Е. Борщевский (1924–1984) в июне 1962 г. Ими были сформированы 44 папки.⁶² Архив так и лежал в АН ЛССР до 1984 г., а в 1986 г. он был

---

⁶² Несомненный интерес представляют: персоналии — 3 папки, переписка (4–5 тыс. писем, 1898–1961 гг.) — 12 папок, научные труды — 9 папок, коллекции восточных рукописей — 3 папки, работы и бумаги др. лиц — 3 папки, фотографии — 4 папки, печатные материалы — 1 папка.

сдан с описью в Отдел Рукописей Библиотеки им. Врублевских АН Литвы. Фонд насчитывает 1616 ед. хр. (с 1625 по 1961 г.). Полная опись фонда и его анализ хранился в деле под № 1616, а также этому была посвящена специальная статья, которая вошла в сборник Литовской АН [Labanauskienė [2003], с. 167].

В биографии С. М. Шапшала, как мы можем заметить, много разного рода мистификаций: порой он сам их создавал, но и после его смерти они продолжились, как бы следуя начатой некогда традиции. Так, например, завещанная ИВАН библиотека учёного (1834 книги и 145 рукописей) была передана лишь на бумаге туда 31 мая 1962 г. по акту № 167 АН ЛССР. 113 книг из нее было передано в библиотеку АН ЛССР, они также приняты только на бумаге по акту № 191 от 24 июля 1962 г. Где это все находится в настоящее время — неизвестно. По словам С. Г. Кляшторного, библиотеку вынести через разбитые окна, сразу после его с Ю. Е. Борщевским отъезда. Следы ее всплыли много лет спустя в Ростове-на-Дону. Все драгоценные вещи, в том числе и ордена, остались у душеприказчика, он их так и не передал в архив, очевидно, решив, что у него эти вещи будут в большей сохранности.

В память о караимском национальном герое в Бахчисарае одна из улиц названа именем С. М. Шапшала, а в 1973 г. в связи с его столетним юбилеем был опубликован ряд статей о его жизненном пути и научном наследии. В 2010 г. был выпущен сборник, в который вошли несколько неопубликованных статей С. М. Шапшала и воспоминания о нём, а 28 декабря 2011 г. была открыта мемориальная доска на здании Караимского этнографического музея в Тракае (Литва).

Список Сокращений

РГИА = Российский государственный исторический архив

РГАЛИ = Российский государственный архив литературы и искусства

СПФ АРАН = Санкт-петербургский филиал архива Российской Академии наук

ИВР РАН АВ = Архив востоковедов Института восточных рукописей Российской Академии наук

ИВР АН Грузии им. К. С. Кекелидзе = Институт восточных рукописей Академии наук им. К. С. Кекелидзе

РНБ ОР = Отдел рукописей Российской национальной библиотеки

ЦГИА СПб. = Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга

ЛМАУВ RS = Рукописный отдел библиотеки Академии наук Литвы им. братьев Врублевских

Литература

- Адамова 2010 = Адамова, А. Т.: *Персидские рукописи, живопись и рисунок XV – начала XX в. Каталог коллекции Государственного Эрмитажа*. Санкт-Петербург, 2010.
- Басханов 2005 = Басханов, М. К.: *Русские военные востоковеды до 1917 г. Библиографический словарь*. Москва, 2005.
- Благова 2008 = Благова, Г. Ф., Самойлович, А. Н.: *Научная переписка. Биография*. Москва, 2008.
- Быков 1966 = Быков, А. А.: Посмертный дар профессора С. М. Шапшала. Новые поступления. — *Сообщения Государственного Эрмитажа XXVII*, Москва, 1966. С. 110–111.
- Васильева 2006 = Васильева, Д. О.: Арабские мотивы в изобразительном искусстве Ирана XIX–XX вв.: шиитская иконография. — *Культура Аравии в Азиатском контексте. Сборник статей к 60-летию М. А. Родионова*. Санкт-Петербург, 2006. С. 269–289.
- Генис 2003 = Генис, В. Л.: *Вице-консул Введенский. Служба в Персии и Бухарском ханстве (1906 – 1920 гг.)*. Москва, 2003.
- Гулиев 2007 = Гулиев, В. М.: *Шапшал — азербайджановед, или наши братья — караимы*. — Рукопись.
- Дзевановский 2014 = Дзевановский, В. М.: С. М. Шапшал. Валентин Алексеевич Жуковский. Из личных воспоминаний его бывшего ученика. — *Караимские вести* 4 (102; ноябрь–декабрь 2011). Санкт-Петербург, 2014. С. 16–17.
- Дзевановский 2015 = Дзевановский, В. М.: Несколько слов о том, как создавалось Общество Русских Ориенталистов. — *Ирано-Славика* 2 (29). Москва, 2015. С. 46–48.
- Дзевановский-Петрашевский 2016 = Дзевановский-Петрашевский, В. М.: Антоний Феодулович Хашаб (1874–1948): новые материалы к биографии ученого арабиста. — *Подарок ученым и утешение просвещенным: сборник статей, посвященный 90-летию профессора А. А. Долининой*. Санкт-Петербург, 2016. С. 403–435.
- Долинина 1994 = Долинина, А. А.: *Невольник долга*. Санкт-Петербург, 1994.
- Ефетова-Габай 2010 = Ефетова-Габай, Л. А.: Приезд С. М. Шапшала в Крым. — *Хаджи Серайя Хан Шапшал. Выдающийся сын караимского народа*. Симферополь, 2010. С. 156–159.
- Кальфа 2010 = Кальфа, А. И.: Хаджи Серайя Хан Шапшал. Биографический очерк. — *Хаджи Серайя Хан Шапшал. Выдающийся сын караимского народа*. Симферополь, 2010. С. 28–39.
- Карачевцев 1928 = Карачевцев, С.: *Фрейлина Ея Величества. Интимный дневник и воспоминания А. Вырубовой*. Рига, 1928.

- Кефели 1993 = Кефели, В. И.: *Материалы к серии «Народы и культуры»*. Вып. XIV. *Караимы. Книга 2*. Москва, 1993.
- Кизилов 2002 = Кизилов, М. Б.: Новые материалы к биографии С. М. Шапшала в 1928–1939 гг. — *Материалы Девятой Ежегодной Международной Междисциплинарной Конференции по Иудаике*. Ч. 1. Москва, 2002. С. 255–273.
- Кизилов 2009 = Кизилов, М. Б.: Ильяш Караимович и Тимофей Хмельницкий: кровная месть, которой не было. — *Karadeniz Arařtırmaları* 6 (22). Yaz 2009). С. 43–47.
- Кононов 1974 = Кононов, А. Н.: *Библиографический словарь отечественных тюркологов. Дореволюционный период*. Москва, 1974.
- Корляков 2009 = Корляков, А.: *Великий Русский Исход. Европа: Русская эмиграция в фотोगрафиях. 1917–1939*. Париж, 2009.
- Куликова 1994 = Куликова, А. М.: *Востоковедение в Российских законодательных актах (конец XVII в. – 1917 г.)*. Санкт-Петербург, 1994.
- Лавриненко 1980 = Лавриненко, Н. А.: Профессор В. Ф. Минорский и его переписка с советскими востоковедами. — *Иран. История и культура в средние века и в новое время*. Москва, 1980. С. 143–167.
- Милибанд 2008 = Милибанд, С. М.: *Востоковеды России. XX – начала XXI в. Библиографический словарь. Т. II*. Москва, 2008.
- Оппель 1923 = Оппель, В. А.: *История русской хирургии. Краткий очерк. В 2-х частях*. Вологда, 1923.
- Ормели 2010 = Ормели, В. Ю.: Мои встречи с Ханом Шапшалом. — *Хаджи Серайя Хан Шапшал. Выдающийся сын караимского народа*. Симферополь. С. 160–163.
- Петров-Дубинский 2008 = Петров-Дубинский, О. В.: С. М. Шапшал в Персии. Путешествие по шапшаловским местам 100 лет спустя. — *Караимские вести* 6 (87). Декабрь. 2008. Москва, С. 1–12.
- Платонов 2005 = Платонов, О. А.: *Терновый венец России. Николай II и секретная переписка. Часть III*. Москва, 2005.
- Сарач 1995 = Сарач, М. С.: [Вступительное слово]. — *Караимская Народная Энциклопедия. Т. 1*. Москва, 1995. С. 11–19.
- Сорокина 2010 = Сорокина, М. Ю.: *Российское Научное Зарубежье. Материалы для библиографического словаря. Пилотный выпуск 3. Востоковедение XIX – первая половина XX в.* Москва, 2010.
- Фуки 1995 = Фуки, А. И.: *Караимы – сыновья и дочери России. Рассказы и очерки об участии в боях от Крымской войны до Великой Отечественной войны*. Москва, 1995.
- Халидов 1986 = Халидов, А. Б.: *Арабские рукописи Института Востоковедения. Краткий каталог. Ч. I*. Москва, 1986.
- Чиркин 2006 = Чиркин, С. В.: *Двадцать лет службы на Востоке. Записки царского дипломата*. Москва, 2006.

- Шапшал 1960 = Шапшал, С. М.: Валентин Алексеевич Жуковский. — *Очерки по истории русского востоковедения*. Вып. V. Москва, 1960.
- Шапшал 2010 = Шапшал, С. М.: Предки, детство С. Шапшала, учёба, деятельность до 1919 г. — *Хаджи Серайя Хан Шапшал. Выдающийся сын караимского народа*. Симферополь, 2010. С. 20–27.
- Būčys 2003 = Būčys, Ž., Jočytė V., Slušinskaitė, M.: *Seraya Szapszal's Karaim Collection. National Museum of Lithuania*. Vilnius, 2003.
- Labanauskienė 2003 = Labanauskienė, D.: *Karaimų rankraščių rinkiniai Lietuvos mokslų akademijos bibliotekoje: Serajos Šapšalo karaimikos rinkinys [sudarytojas Žygintas Būčys]*. Vilnius: Lietuvos nacionalinis muziejus. [2003].
- Shapira 2007 = Shapira, D.: Khazars and Karaites, Again. — *Karadeniz Araştırmaları* 13. Bahar. 2007. С. 44–64.

Фотографии

Фото. г. С. М. Шапшал, 1894. Москва, Н. Чесноков. LMAVB RS Ф. 143. Ед .хр. 1207. Л. 7

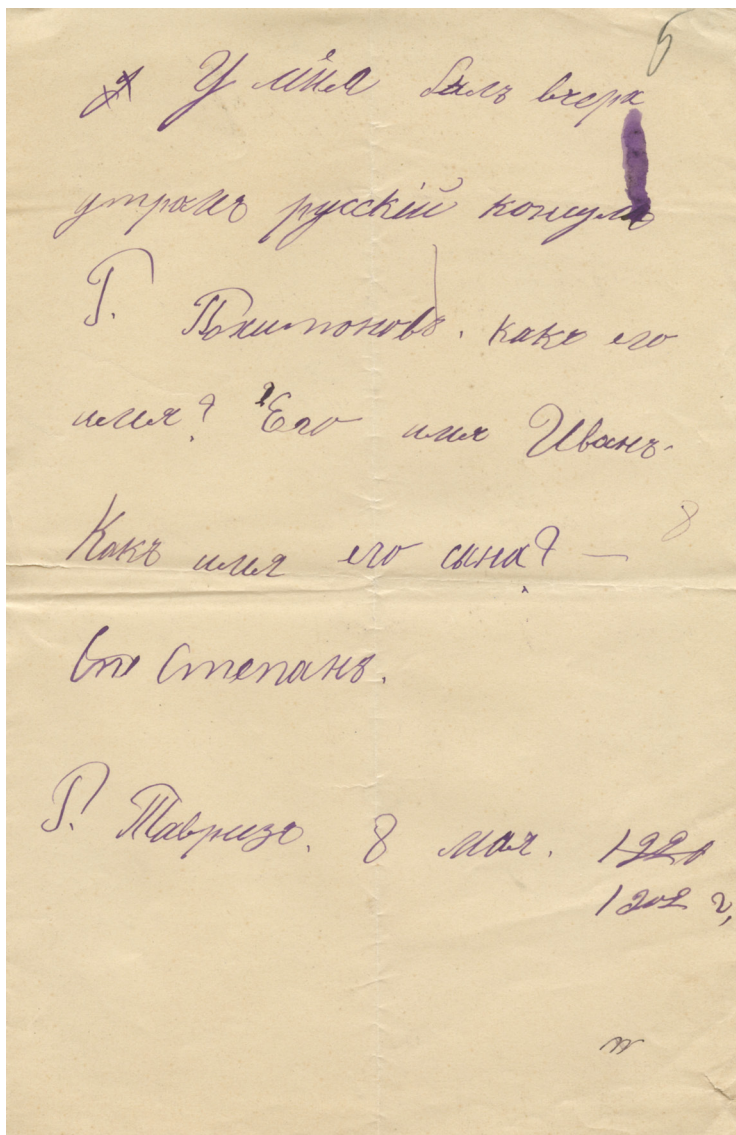

Фото. 2. Учебная тетрадь Мохаммеда-Али-Мирзы, 1902. LMAVB RS Ф. 143.
 Ед. хр. 930. Л. 5

Фото. 3. Мохаммед-Али-Мирза с наследным принцем, С. М. Шапшал. Тавриз, 1903. LMAVB RS Ф. 143. Ед. хр. 1227. Л. 36

Фото. 4. В. И. Эгиз, 1905/1906. LMAVB RS Ф. 143. Ед. хр. 113. Л. 43

Фото. 5. С. М. Шапшал в кругу семьи. Бахчисарай, 1908. LMAVB RS Ф. 143.
Ед. хр. 112 Л. 53

Фото. 6. Шюкри-бей, А. Н. Самойлович, С. М. Шапшал. Стамбул, 1925. LMAVB
RS Ф. 143. Ед. хр. 584. Л. 3

Фото. 7. Гахам С. М. Шапшал. Вильно, 1928. LMAVB RS Ф. 143. Ед. хр. 114. Л. 9

Фото. 8. А. А. Олесницкий. Загреб, 1937. LMAVB RS Ф. 143. Ед. хр. 110. Л. 12

Фото. 9. С. М. Шапшал в своем музее. Тракай, конец 1950-х гг. LMAVB RS Ф. 143. Ед. хр. 1202. Л. 48